

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ

О КРАСОТЕ

*«Красота, красота!» – все твержу я.
Козьма Прутков. Письмо из Коринфа*

Не знаю, как на вас, а на меня всегда действовала красота. Чаще всего это была красота человеческого лица – мужского или женского, иногда – всего облика. С детства как-то повышенно внимательно была к этой стороне жизни. Девочкой могла пойти за незнакомой женщиной, которая показалась мне необыкновенной, прекрасной...

Опишу здесь несколько своих впечатлений, связанных с красотой.

Было одно, очень сильное. Не поступив после школы в университет (была трагедия, фрустрация, все же нас с сестрой сознательно «заваливали» на английском, и это продолжалось долго, изнурительно и унизительно долго, с издевательскими ухмылками и переглядками двух преподавательниц, но не буду сейчас об этом), короче, не поступив в МГУ на филологический факультет, мы с Верусей разбежались по школам, где стали работать в должности старших пионервожатых. Через год, получив опыт работы в школе, мы могли подавать документы в Пед. В мою школу мне помог устроиться дядя, школьный работник – преподаватель рисования и черчения, а кроме того, очень известный в районе человек. О дяде как-нибудь потом, он достоин отдельного рассказа. Школа находилась хотя и в нашем районе, но очень далеко. Я шла туда пешком, и это занимало минут сорок, если не час. Путь был извилистый, и начинался он с дороги, параллельной нашему шумно гудящему Рязанскому шоссе. И почти каждое утро, в один и тот же час, водитель автобуса, мимо которого я проходила, увидев меня из своего окошка, давал долгий гудок – и широко улыбался. Я относилась это приветствие на счет маминой шапочки, маленькой, ладной, очень мне идущей.

Осень в том году была светлая и теплая, и первое время я отдыхала душой во время своего долгого путешествия до нового места работы. Свою работу я заранее не любила, считала архаичной и изжившей свое время. В детстве и юности мы с сестрой пели в хоре знаменитого локтевского Ансамбля. Хор был пионерский, исполнял много песен пионерской тематики, и каждый концерт заканчивал победным маханием пионерскими галстуками. И пионерские песни (за исключением локтевских), и эти махания мне никогда не нравились. Я воспринимала все связанное с «пионерией» как ритуал, не дающий живых впечатлений. Наверное, сейчас я более четко и резко формулирую свое тогдашнее ощущение, но помню, что по сути и тогда оно было примерно таким. Даже девочкой воспринимала я себя «выше» этих ритуалов и стремилась уйти от них – в книги, в хорошую поэзию, в народные песни, в мысли о своем тайном (каким было для меня еврейство – я им гордилась). Поэтому, приняв свою судьбу после катастрофического провала (мы с сестрой были медалистками, и все пророчили нам беспроblemное поступление, а «пятый пункт» почему-то мы тогда не принимали во внимание), я для себя решила, что буду заниматься со школьниками «культурной работой».

Ирина Чайковская родилась в 1950 году в Москве. По образованию – педагог-филолог, кандидат педагогических наук. С 1992 года семь лет жила в Италии, с 2000 года – в США, преподавала русский язык. С 2014 года главный редактор американского журнала на русском языке «Чайка». Автор 20 книг и многочисленных публикаций в российских и зарубежных изданиях. Публиковалась в журналах «Звезда», «Знамя», «Вестник Европы», «Нева» и др.

Помню, что первый день в школе я начала с посещения библиотеки. И вот вхожу я в эту школьную библиотеку – и вижу... Я увидела поразительной красоты женщину. Даже не знаю, что меня в ней особенно поразило, но общее впечатление было такое, что я просто застыла на месте.

Мне казалось, что от ее светлого прекрасного лица шло сияние. Трудно было поверить, что это обычная женщина, библиотекарь, выдающая книжки школьникам...

С ней в этот момент (была перемена) находилась девочка, школьница, класса этак 6-7-го, уже довольно взрослая. Чертами лица она напоминала женщину. Но была столь некрасива, что я не сразу догадалась, что это – дочь... Впоследствии я несколько раз сталкивалась с подобным феноменом.

Все эти случаи запомнила, потому что они меня удивляли и приводили в недоумение. Как такое могло случиться, чтобы у удивительной красавицы дочь была прямо-таки дурнушка. Впрочем, литература, да и жизнь, дают нам примеры, когда из «гадких утят» вырастают лебеди.

Припоминается мне Козетта из «Отверженных» Виктора Гюго, с которой именно это и произошло.

На наших глазах часто незаметные девчушки, войдя в определенный возраст, «поднимаются и расцветают», как царевна в сказке Пушкина.

Еще один случай, схожий с первым, тоже с матерью и дочерью, был, когда мы с сестрой посещали хор локтевского ансамбля. Мы посещали его с десяти лет и до семнадцати. Привел нас туда сам Локтев. Услышав наш дуэт на городском «Фестивале искусств», Владимир Сергеевич в перерыве подошел к нам с мамой (а маму он знал по особому случаю, сейчас о нем расскажу) и пригласил к себе в Ансамбль. Сказал, чтобы приходили осенью, – и он примет нас без конкурса. Теперь насчет Локтева и мамы. Наше выступление на городском «Фестивале искусств» могло сорваться, если бы не мама и не Локтев. Дело в том, что нас, двух девчонок-близняшек, поющих на два голоса, присоединили к районному хору мальчиков, который также победил на районном уровне. Наш аккомпаниатор, школьный учитель пения, Александр Яковлевич Спиваков, заболел, и нам должна была аккомпанировать концертмейстер хора мальчиков, дирижеру которого мы передали ноты. Мы с сестрой чувствовали, что эта малосимпатичная «дирижерша», молодая женщина с холодным надменным лицом, то ли видит в нас сильных соперников, то ли испытывает непонятное раздражение от нашего присутствия. На итоговый концерт она не принесла ноты – и коротко процедила сквозь зубы, увидев нас с мамой: «Я забыла взять ноты, ваш номер отменяется». Мы с Верусей бросились в слезы, а наша отважная мама, узнав, где сидит отборочная комиссия, пробралась в темноте в зал, подошла, извинившись, к председателю жюри, Локтеву, и рассказала, что нужны ноты песни «Чижик-пыжик и Зойка». – А, это Лепина песня, – охотно отозвался Владимир Сергеевич – и попросил помощницу найти в библиотеке ноты этой песни (дело было в Доме пионеров на Стопани, новый Дворец тогда еще только строился). Так совместные усилия мамы и Локтева спасли наше выступление. Хора мальчиков не помню на заключительном концерте в Малом зале консерватории, а мы с Верусей там пели.

Осенью, в одно из воскресений, мама повезла нас «к Локтеву», в Дом пионеров. Тогда он находился, как я уже сказала, в переулке Стопани, названном в честь революционера. Ныне переулок вернулся к своему предыдущему названию, напоминающему о московском XVII веке, Огородная слобода. Наш приезд чудесным образом совпал с осенним сбором Ансамбля. Комната, в которую мы вместе с мамой вошли, была полна ребят и педагогов. Все с интересом на нас смотрели. А Локтев, сидевший возле рояля, узнал нас и представил: «Эти девочки – сестры Чайковские, они поют на два голоса, и я хочу взять их в наш Ансамбль». Он заиграл вступление к нашему «Чижик-пыжику» – и мы с Верусей запели. Но волнение нам мешало, не хватало дыхания. После первого куплета мы остановились – и расплакались. А ребята вокруг – засмеялись и зааплодировали. Таким был день нашего прихода в Ансамбль.

Теперь продолжаю про мать и дочь.

Наша мама возила нас на занятия по воскресеньям. Возила из Перова, где тогда не было метро, так что путь на автобусе до метро, а там до красивого особняка чаеоторговца Высоцкого, где

тогда располагался городской Дом пионеров, в один конец занимал около часа. Родители сидели в коридоре, в ожидании своих чад. Мама за это время узнала нескольких других мам и начала с ними общаться. Одна из них была красивая невысокая женщина, с прелестной улыбкой, всегда мило и со вкусом одетая. А вот ее дочка... Каждый раз, видя их вместе, я не могла понять, каким образом они оказались такими разными. И это, если приглядеться, при довольно близком сходстве черт. Но дочь была очень высокая, сутулая, с огромными нелепыми руками, напоминавшими грабли, с некрасивым большим ртом, с грубоватыми повадками...

Еще с одним похожим случаем мы столкнулись на даче в Вельяминове.

Наша мама – она была инициатор всех начинаний в нашей семье – сняла на лето дачу в поселке Вельяминово по Павелецкой дороге. Ей посоветовала это место одна из сотрудниц Института антибиотиков, где мама работала. Сказала, что место лесистое, очень грибное и не такое дорогое, как, например, дачи по Казанке, да и ехать на электричке всего час двадцать. С дачей нам повезло. Мы там провели два или три лета. У нас была одна комнатка и веранда, но мы с няней тетей Машей легко разместились в этом пространстве, мама же приезжала после работы на субботу-воскресенье, привозила продукты и немножко приходила в себя от города и от работы. Мы вели исключительно растительный образ жизни. С утра, надев сапоги и теплые куртки, мы с тетей Машей отправлялись за добычей. Тетя Маша была нашим вожатым в грибной мир, видно, когда-то, еще в родной Мордовии, в Зубовой Поляне (откуда, беспаспортная и гонимая голодом, сбежала в 1950-е годы в город), грибы были ее пищей, она хорошо знала, какие хорошие, а какие «поганки», хотя названия у нее были свои. Но у нас была книга Солоухина о «тихой охоте», и мы с сестрой по картинкам определяли названия попадавших грибов. Леса вокруг были грибные, и мы находили грибы и для жарки, и для грибного супа. Правда, для супа нужны были особые – «хорошие» грибы – белые, подберезовики, дубовики – не всегда они нам попадались. И тогда тетя Маша обращала молитву к Богу, чтобы послал нам хоть пару хороших грибов, чаще всего молитва бывала услышана и мы возвращались домой «с уловом» – и с аппетитом поедали на обед грибной суп (вот вкуснятина, и не нужна никакая сметана!) и жареные сыроежки с жареной же на постном масле картошкой. Такой обед нам никогда не надоедал.

Но возвращаюсь к своей теме. У дачи была хозяйка – баба Валя, старая, беззубая, ни во что не вмешивающаяся. Управляла всем ее невестка – Нина, жена тихого и безобидного Валиного сына Васи. Тот, как и мать, во всем подчинялся волевым, не терпящей возражений Нине. Если Вася был молодой, симпатичный, чисто одетый, то Нина, всегда одетая в какие-то старые обноски, с неприязной улыбкой, обнажавшей кривые зубы, отдающая распоряжения громким голосом и командирским тоном, казалась не женой, а матерью Васи и неким подобием Бабы-Яги.

И вот в один прекрасный день открылась калитка – и во двор вбежала девушка. Тоненькая. Солнечная. Прелестная. Оказалось, что это младшая сестра Нины – Катя. Более непохожих сестер я не встречала. Одна легкая, молодая и очаровательная, другая... ну, вы понимаете. Как такое случилось у природы – бог весть.

Ансамбль в то лето готовился к поездке в Болгарию. С нашей дачи нам приходилось ездить на занятия. По-видимому, мама рассказала Владимиру Сергеевичу о нашем времяпрепровождении в Вельяминове, потому что на занятиях он пару раз назвал нас с Верусей «лесные девы».

В этом месте я бы могла продолжить рассказ о нашем дяде, которого мы с сестрой звали Дядечка и любили до невозможности. Младший брат нашего папы, был он похож на старшего Сеню¹ разве что красотой. Оба были для нас в детстве (и не только для нас и не только в детстве) образцом мужской красоты. Еврейские мужчины без особо выделенных семитских черт – высокие, статные, красивые мужской, совсем не кукольной красотой, неизменно привлекающие к себя женские взгляды. Но папа был серьезный, положительный, без «вредных привычек», а дядя

¹ Имя настоящее, папу все звали Сеней, хотя по паспорту был он Исааком. В детстве он сильно болел, и родители, по еврейскому обычаю, дали ему другое имя. Так из Исаака он стал Семеном. Мы с сестрой Исааковны, в соответствии с документом.

– весельчак, рассказчик анекдотов, любящий компанию и кутеж, завоеватель женских сердец. При всем при том оба пользовались уважением на работе – папа в строительной организации, где служил юрисконсультом, Дядечка в школе, где преподавал рисование и черчение, и в кинотеатре «Победа», где делал рекламы к новым фильмам. Уважение коллег выразилось в том, что оба брата были секретарями парторганизации в своих учреждениях. Причем папа смотрелся в этой должности вполне органично – правильный, знающий законы, политически подкованный. Дядя же с его анекдотами и довольно беспутным образом жизни был на этом посту, как кажется, исключительно потому, что мог себя правильно поставить, к тому же его «студия» в кинотеатре, маленькая темная каморка, заваленная рекламами, частенько служила прибежищем для «райкомовских». В дядиной «хазе» они отводили душу – пили, ели привезенные деликатесы, разговаривали без страха, что «донесут». Не знаю, в связи ли с этими полезными знакомствами, у дяди была возможность заходить с черного хода во все продовольственные и промтоварные магазины нашего района. А кроме того, он легко доставал билеты на кинофестивали (запомнился грандиозный Московский 1967 года!), на Кремлевские елки и даже путевки в Артек, куда он однажды отправил свою беспутную дочь-подростка. Наша мама, подчеркивая разницу между папой и Ленией, всегда упоминала о том, что папа регулярно ездил в Калинин (ныне Тверь) – навещать родителей, Дядечка же делал это крайне редко, зато привозил с собой такое количество разных подарков, что сердце Софьи Исааковны неизменно таяло. Дядечка был младшеньким и, по-видимому, любимым сыном. К папе у Софьи Исааковны была одна претензия: как мог ее такой красивый Сенечка выбрать в жены нашу маму, которая по красоте в подметки ему не годилась. И это было неправдой. Мама была необыкновенно симпатичной и милой, у нее была прелестная точная фигурка, к тому же она обогнала папу в карьере – стала доктором наук, профессором, заведующей лабораторией. Папа же всю жизнь работал в одной строительной организации, сначала юрисконсультом, потом начальником планового отдела, имел зарплату в разы меньше маминной и гордился ее двумя диссертациями, объемные эти книжищи он переплел и держал в шкафу на видном месте...

Дядечка поздно женился, уже после сорока, хотя точно знаю, что по нему сохло не одно женское сердце. Как обычно в таких случаях, брак был неудачный, мезальянс – Галя крутила фильмы в кинотеатре, была малообразованной и психически нездоровой. К тому времени Софьи Исааковны уже не было в живых, иначе брак любимца, младшенького Ленечки, поверг бы ее в совершенный ужас. Мало того, что необразованная, но еще и «шикса» – нееврейка. Дядечка женился по одной единственной причине – в ожидании появления ребенка. И он действительно появился. Дядя девочку обожал, хотя ничего не делал для ее воспитания. Женившись, Дядечка своего вольного богемного образа жизни не поменял, и дочка его росла как сорная трава в поле. Потому, наверное, и вырос чертополох... Кирка отравила последние годы дядиной жизни и ускорила его конец.

Итак, продолжаю о Вельяминове и грибах.

Дядечка однажды в грибной сезон приехал к нам в Вельяминово. Это был потрясающий август. Грибов – всяких, но особенно подосиновиков и белых – было множество. Под каждой осинкой рос красавец подосиновик на тонкой ножке, в молодецкой красной шапке, на каждой, даже близкой к дому полянке можно было встретить целое семейство крепких коричневоголовых белых. Дядя впервые участвовал в сборе грибов – их количество и качество (белые и подосиновики – самые красивые лесные грибы!) так его поразило, что следующие лет двадцать своей жизни он регулярно устраивал автобусные грибные походы со своими сослуживцами. И ежегодно на свой день рожденья 8 марта угощал нас солеными грибами и каким-то особым курино-грибным жульеном, разлитым по маленьким металлическим чашечкам, сделанным по специальному заказу – был Дядечка великим кулинаром и гурманом!

Папина и Дядечкина красота сохранилась до конца их жизни. Правда, однажды Дядечка мог лишиться своей привлекательности – на отдыхе, где-то на Кавказе, он попал в аварию – руки-ноги остались целы, а вот нос оказался сломанным. Как же мы переживали за Дядечкин нос! Как

хотели, чтобы Дядечка оставался таким же красивым, как до аварии. В итоге хирургических и косметологических ухищрений на Дядечкином носу, посредине, остался небольшой шрам, некая пикантная горбинка, что в общем придало его лицу новый шарм.

В этом месте мне хочется рассказать еще об одном красавце – но совсем иного рода, так сказать, в русском стиле. Говорю о Викторе Сергеевиче Попове, которого многие знали и до сих пор знают как руководителя Большого детского хора радио. Мы же с сестрой застали его в самом начале его хормейстерской карьеры, когда он работал у Владимира Сергеевича Локтева. По слухам, Виктор Сергеевич ушел из знаменитого детского хора Владислава Соколова при Институте художественного воспитания, что-то с ним не поделив, возможно, Соколов не давал ходу молодому талантливому сотруднику. Виктор Сергеевич с младых ногтей отличался талантом и высокой степенью амбициозности. Нищее детство, а затем годы обучения в интернате Свешниковского училища дали ему прекрасную закалку и великолепную профессиональную выучку. Он хорошо осознавал свои силы и возможности и рвался из тесных пут покорности и подчинения на простор творчества и свободы. Владимир Сергеевич дал Попову возможность показать себя во всем блеске. Приехав из летней поездки в Болгарию, основной костяк локтевского хора в один из осенних дней собрался в просторном репетиционном зале Дворца пионеров по особому случаю. Новый хормейстер Виктор Сергеевич Попов должен был представить результаты своей работы со «средней группой» хора, с которой он занимался, пока мы были на гастролях.

Мы увидели очень красивого, высокого, стройного человека, синеглазого, кудрявого, очень прямо выступавшего поступью наследного принца... Все было при нем, за исключением одного. Он слегка гнусавил, когда говорил, что не мешало ему показывать хору любые, даже самые высокие ноты. Он пел их мужским фальцетом, что сперва вызывало удивление и даже смешки, но затем все к этому привыкли как к еще одной особенности нового хормейстера. К тому же такой показ очень помогал «первым сопранам» в работе над партией. А зауважали его сразу. Еще бы! Строгий, подтянутый, высокопрофессиональный, сумевший за очень короткий срок сделать из средней группы хора соперника если не прибалтийских хоров, то «соколовского» уж точно. Называю эти хоры, так как их звучание разительно отличалось от «пионерского». Локтев и наши хормейстеры не ставили себе специальной задачи работы над звукоизвлечением. Владимир Сергеевич Локтев обращал основное внимание на характер произведения – веселое-грустное-танцевальное-напевное. У Попова же звук и слаженность голосов стояли на первом месте. Он говорил, что хор для дирижера – это «инструмент» и добивался полной слиянности всех голосов и полного их подчинения воле дирижера.

К хористам Виктор Сергеевич относился без особых сантиментов, вообще был он «холодно-ват», держал дистанцию, чем сильно отличался от Локтева. Локтев нас с Верусей любил и всегда находил возможность как-то выделить... Дал нам соло в своей песне «Родная страна», на двух отчетных концертах выпускал с сольным дуэтом, причем на одном из них мы пели нами сочиненную песню «Дворняжка Джерри» (аккомпанировал нам незабвенный Станислав Дмитриевич Гусев¹)... Было и еще множество случаев, когда Владимир Сергеевич показывал свое к нам особое отношение. Наверное, не только мы это на себе испытали, так как был Локтев человеком чрезвычайно внимательным ко всем, кто в его Ансамбле пел, танцевал или играл в оркестре и проявлял при этом еще какие-то дополнительные способности...

Попов – дело другое. Близко не приближался. Как кажется, даже не знал, о чем можно говорить с хористами, если не о деле. И все общение его с нами проходило исключительно на почве пения. Однажды это было связано с экзаменом. Да, да, Попов ввел в обиход хора экзамен, а именно: сдачу партий, причем обставлялось все чрезвычайно серьезно. Экзаменуемые вызывались по одному – пели что положено, и Виктор Сергеевич в своей тетрадке какими-то специальными значками обозначал полученный ими балл. Первой нужно было сдать болгарскую песню-скороговорку «Посадил полынью я». Мало того, что следовало пропеть все ее бесчисленные куплеты,

¹ Станислав Дмитриевич Гусев – хормейстер в Ансамбле Локтева, затем руководитель оркестра, а в более поздние годы Художественный руководитель Капеллы им. Юрлова.

где к каждому новому куплету прибавлялось по одной строчке, но под конец требовалось спеть головокружительный пассаж – сначала хроматическая гамма вниз и после очень низкой ноты – очень высокая наверху.

Мы с Верусей пели в разных голосах – она альт, я первое сопрано. Готовились вместе. Самое главное было не спутать слова скороговорки и не сбиться с темпа. Приехали на дачу рано, и я пошла первая, почему-то мне очень часто достается эта роль... Попов принимал экзамен стоя у рояля в большой репетиционной комнате. Песня была акапельной, но первую ноту Виктор Сергеевич дал. Я начала и пропела без остановки до конца. Показалось, что спела хорошо, с подъемом, не сбилась. У нас с сестрой голоса небольшие, но точные, и хороший слух. Владимир Сергеевич Локтев говорил нашей маме: «Данных для профессионального пения у девочек нет, но они могут стать хорошими хормейстерами». Не стали ни певицами, ни хормейстерами, но хор и Ансамбль остались в нашей жизни – и отдельной страницей живут в памяти два таких разных музыканта и человека, как Владимир Локтев и Виктор Попов.

За мной пошла Вера. Она тоже ни разу не сбилась и, как мне показалось, спела достойно. На следующем занятии оглашались результаты. Мы с Верусей оказались победителями каждая в своей партии. В конце занятия спели «Польнь» той небольшой группой, которая заняла первые места. Все было без обмана.

Красавец Попов привел с собой в хор ну очень некрасивую женщину. Некрасивую и странную, с лошадиной фигурой, дрыгающей походкой, но с большим чувством юмора. Они с Поповым на занятиях вечно друг друга «подкалывали», обычно заводил он, а она уже подхватывала, ничуть не смущаясь и не чинясь. В этот момент в нашей репетиции наступала замечательная пауза, заполненная подшучиванием друг над другом двух взрослых и смехом хористов. Ее звали Кира Сергеевна. Кира Сергеевна Алемасова. Она была высокого класса (как и все у Попова) концертмейстером. А вообще, когда мы смогли с нею поближе познакомиться, оказалась, что «Кира» очень разносторонний и интересный человек. Кончала она консерваторию и дружила с самим Рихтером, с которым переписывалась, переводила песни, оратории и романсы с немецкого языка. Ближе мы познакомились, когда моя дочь Наташа, которой на ту пору было лет девять-десять, стала петь в поповском хоре. Кира Сергеевна любила приезжать к нам на «Чистики» (мы жили на Чистых прудах, на улице Чаплыгина), мы ее вкусно и обильно кормили, было впечатление, что она всегда страшно голодна, а гостя рассказывала все свежие новости из мира музыки, а потом садилась за фортепьяно и пела свои куплеты, бессмысленные и потому ужасно смешные... Вообще с Кирой Сергеевной у меня связано несколько историй¹.

¹ Не хочу отягощать свой непринужденный рассказ историческими справками, посему помещаю их в примечание. Владимир Сергеевич Локтев был сердечник, болезнь сердца усугублялась бесконечной «растравой», о ней с душевной болью он поведал нашей маме: коллеги, руководители хоровых коллективов, Соколов (Хор института Художественного воспитания) и Александров (Краснознаменный ансамбль Красной Армии) говорили в кулуарах, что локтевский Ансамбль был создан не в 1941 году Локтевым, а ими в 1939-м. В 1966 году, еще при жизни Локтева, умершего страшно рано, в 57 лет, Ансамбль отметил свое 25-летие, эта дата возводила начало Ансамбля к тем первым дням войны, когда молодой консерваторец Володя Локтев собирал по дворам мальчишек и девчонок, изъявивших желание петь. Потом собранная им ребячья группа поехала выступать «на фронт» и руководитель юных хористов, Владимир Локтев, в 1947 году даже получил за это орден Красной Звезды.

В 1967 году Владимир Сергеевич вынужден был лечь в больницу, чтобы серьезно лечить больное сердце, по этой причине намеченная на тот год большая и ответственная поездка во Францию прошла без него – из «взрослых», кроме специальных людей, – надеюсь, понятно, о ком речь, – с нами на гастроли поехали Виктор Сергеевич Попов и жена Локтева, педагог по профессии, – по нашему с сестрой мнению, не стоившая и мизинца своего мужа...

Локтев ушел из жизни через год. Виктор Попов не остался у руля Ансамбля, у него были свои планы и амбиции, и на место руководителя локтевского коллектива пришел один из бывших сотрудников Владимира Сергеевича, Алексей Ильин, а Виктор Сергеевич возглавил Большой детский хор Радио и Телевидения, ставший в короткий срок неимоверно популярным.

Во-первых, история с нотами. Наш с сестрой приятель Яша С., снимавший любительские фильмы, надумал сделать фильм о Моцарте. Фильм должен был завершаться метафорической сценой, когда ноты Реквиема, несмотря на охватившее их пламя, остаются невредимыми и не сгорают в огне. Для этой сцены Яше нужны были «архивные» ноты, желательного времени Моцарта. И оказалось, что у Кире Сергеевны такие ноты есть. Она взяла с меня страшную клятву, что драгоценная реликвия вернется к ней в целости и сохранности. Ну и... вы правильно предположили: Яша ноты не уберег, и в одном месте они были прожжены. Как же тяжело мне было нести эти испорченные ноты их владелице! Для объяснения с Кирой Сергеевной я взяла с собой и провинившегося Яшу, чтобы вдвоем выдерживать справедливые упреки. Кира Сергеевна жила возле зоопарка, в старой, безумно запущенной квартире. По-видимому, даже подмести пол было для хозяйки проблемой, и ее ученики по Гнесинке или по консерватории делали это за нее. Не была Кира Сергеевна хозяйкой, чистойлой, имела не слишком привлекательное обличье, жила исключительно музыкой, но вот поди ж ты, поглядев на наши виноватые физиономии и послушав сбивчивые объяснения, она простила Яшино прегрешение, махнув рукой на то, что драгоценные старинные ноты были испорчены. Добрая душа!

С Наташей Кира нам тоже помогла...

Вообще Наташу с первого прослушивания в поповский хор не взяли. Женщина, которая проводила прослушивание, сказала нам обеим, что сейчас набирают детей в группу солистов и для этой группы Наташа не подходит. Страшно расстроенные, мы поехали к себе в Перово. Но какой-то червь меня точил: почему «группа солистов»? мы же приехали записываться в хор. Да и для сольного пения Натусин серебристый звонкий голосок мог подойти. Впоследствии Наташа-таки солировала в россиниевских «Кошках» – история, которую я хотела бы рассказать... Но это после.

В общем, на следующий день мы с Наташей снова поехали на прослушивание. В этот раз принимал мужчина, про группу солистов речи не было, Наташу он отобрал без колебаний.

Что это было, до сих пор не понимаю. Знаю одно: если очень хочешь, старайся идти до конца. А нам обеим ну очень хотелось, чтобы Наташа стала хористкой, да еще в таком замечательном хоре. Плохо было то, что Попов с их группой не занимался, а женщины-хормейстеры, которые вели занятия, Наташе не нравились. Кира Сергеевна, зачавшая к нам после поступления Наташи к Попову, тоже отзывалась о сотрудницах Попова без энтузиазма.

Группу хора собирались отправить на Дальний Восток. Было сие во время Перестройки, в 1986–1987 гг., когда и в столице было неустроено и голодно. Было ясно, что поездка эта весьма слабо будет напоминать великолепные гастроли локтевского Ансамбля на Дальний Восток 1966 года, когда с нами ездил съемочная группа, снявшая о поездке красивый и жизнерадостный короткометражный фильм «Салют океану!». Его показывали перед сеансами в кинотеатрах, и довольно часто нас с сестрой останавливали на улице, спрашивая, не снимались ли мы в этой картине...

Но все же поездка на фоне нашей скудной, бедной впечатлениями жизни, и не куда-нибудь в Подмоскovie, а на Дальний Восток, весьма привлекала. Однако хормейстер, не знаю уж чем руководствуясь, Наташу в список не включила. Узнав об этом, Кира Сергеевна обещала «поговорить». В итоге Наташу в поездку взяли, но хорошего из этого не вышло, не принесла она ей (только ли ей?) радостных впечатлений. Насколько я помню, Попова среди руководителей поездки не было. Можно предположить, что, кроме тяжелого времени, которое не могло не повлиять на гастроли, сказалось и то, что не было в группе среди взрослых таких, кто, как Локтев, объединял бы ребят, воодушевляя их и словом, и улыбкой, и своим всегданным призывом «держатъ марку».

Расскажу, раз обещала, о «Кошках». В Наташиной группе хора был объявлен конкурс на соло в комическом дуэте Россини «Кошки». Дуэт кошки-дамы и кошки-кавалера. Дуэт бессловесный, пара обменивается лишь звуками «мяу». Я хорошо помнила поступление Наташи в хор, когда ее не взяли под предлогом, что набирают группу солистов. В тот момент в моей голове промелькнула мысль: «Она непременно будет солисткой!».

К задаче мы подошли творчески. Продумали, какими у нас будут Кошка и Кот. Кошка – напоистой и энергичной, эдакой Кошкой-Кармен, берущей приступом своего флегматичного трусливого кавалера. В день конкурса Наташа явилась с красной розой в волосах и с желанием покорить не только Кота, но и ребячью аудиторию. А именно она выносила решение. Паре, в которой за Кошку пела Наташа, была присуждена победа. Дуэт был записан, и однажды мы его слышали по радио. И мне показалось, что в исполнении детей этот комический дуэт звучит гораздо интереснее и веселее, чем у взрослых певцов.

Возвращаюсь к рассказу. Подрастающий Илюша, наш сын, очень любил посещения Киры Сергеевны. Она его развлекала смешными куплетами, чаще всего веселыми нелепицами. А еще был у нее заветный клич «бикольца вижу», радостно воспринятый Ильей. Уже в Италии пятилетний Илюша научил этому тарабарскому выкрику итальянку Ноэми, приходившую с ним поиграть. Она, бедняжка, скорей всего, думала, что произносит русские слова. Откуда Кира Сергеевна взяла эти «бикольца», я, увы, не догадалась у нее спросить... Выкрикивала она эти странные слова посреди пения, как некий пароль, как разинское «сарынь на кичку». Да и вообще ее веселые куплеты были необычны и оригинальны, больше никогда я ничего подобного не слышала.

Последняя история драматическая. Кира Сергеевна под конец жизни попала в больницу. Одинокая всю жизнь, без родственников и без особых друзей, она умоляла знакомых прийти ее навестить. Знаю об этом от сестры, которая в то время сама болела и никак не могла отозваться на Кирины мольбы. Мы же были в Италии и проходили там свои круги если не ада, то чистилища...

Короче, даже не знаю, помог ли кто-нибудь Кире Сергеевне Алемасовой в ее последний час, очень бы хотела, чтобы такая добрая душа отыскалась... Часто вспоминаю об этой необычной женщине, внешне непривлекательной, но очень талантливой и наделенной веселым беззаботным нравом и доброй душой.

Продолжу о Викторе Сергеевиче Попове. Был момент, когда я настойчиво искала с ним встречи. Стоял 1989 год – и новый руководитель Ансамбля Алексей Сергеевич Ильин пригласил всех «стареньких» на торжественную встречу – отмечалось 50-летие коллектива. Мы с сестрой были в недоумении. Почему 50-летие? Локтев организовал Ансамбль в 1941 году, и при его жизни мы торжественно отметили 25-летие Ансамбля. Но Ильин предпочел гуляющую в кулуарах, сведшую Локтева в преждевременную могилу версию, что Ансамбль был создан не им, а Соколовым и Александровым и, соответственно, в 1939 году. В ответ на нашу с Верой статью в «Комсомольской правде», озаглавленную «Мы – локтевцы» и подписанную «кандидат педагогических наук Ирина Чайковская и кандидат философских наук Вера Чайковская» Ильин с трибуны обвинил сестер Чайковских, прикрывающихся тем, что они «кандидаты наук», в желании сорвать юбилей и лишит Ансамбль праздника. Мы с сестрой сидели в зале, оглушенные, нам казалось, что весь зал обернулся в нашу сторону после такого «принародного осуждения». После торжественной части последовал концерт, где мы должны были спеть свою свежесочиненную песню о Локтеве, но выступить нам не дали.

И вот я задалась целью как можно скорее встретить Виктора Сергеевича Попова и спросить его напрямую, как он ко всему этому относится. Случай представился быстро. После одного концерта в Колонном зале, в котором, естественно, участвовала Наташа, я подошла к Виктору Сергеевичу и, после приветствий и обмена впечатлениями от концерта, спросила: – Виктор Сергеевич, вы тоже считаете, что не Локтев был создатель Ансамбля? – Он сразу отозвался: – О чем говорить? Конечно, Локтев создал Ансамбль. – А зачем все это Ильину? – И на этот вопрос Виктор Сергеевич ответил не раздумывая. – Ильин все это затеял ради получения званий и наград. До 1991-го ждать еще три года, да и можно не дожидаться, а тут, пожалуйста, круглая дата подошла, да и Соколов и Александров, в отличие от Локтева, живы.

И ведь действительно, как раз в это время Алексею Сергеевичу Ильину была присуждена Госпремия за концертную программу 1987 – 1989 годов. Мне было удивительно, что, зная правду и понимая всю подоплеку событий, Виктор Сергеевич не стал выступать в поддержку Локтева.

Скорей всего, не хотел вмешиваться в историю со многими значимыми для него именами. Был он человеком в дипломатии искусственным.

Напишу еще о двух знакомых, чья внешность, как и внешность Киры Сергеевны Алемасовой, не отвечала моей тяге к физической красоте, красоте лица и всего облика...

Первую назову Лилей, она пела в локтевском хоре и была старшей сестрой нашей с Верусей подруги-сверстницы Гали. Очень некрасивая – особенно ее портили выдававшиеся вперед очень плохие зубы – она, однако, была отличной собеседницей и знала много интересных вещей. К тому же, по ее рассказам, она совсем недавно побывала во Франции со своим отцом, которого мы хорошо знали по субботне-воскресным приездам с женой к нам в Вельяминово. Лилина младшая сестра Галя, по просьбе родителей, один летний месяц провела с нами на нашей лесной даче. Георгий Сергеевич и Лиля были редкостно похожи, свою некрасивость дочь унаследовала от отца, но у него она как-то сглаживалась доброй улыбкой и умным открытым взглядом. Был он ведущим специалистом в какой-то важной для страны «стратегической» области. Поэтому сомнений в том, что он был послан в командировку и посетил Францию в годы, когда о таких поездках обычные люди и не мечтали, у нас не было. Как не было сомнений в том, что Лилина просьба в парижском магазине взвесить ей полкило рокфора, вызвала небывалое удивление продавца. Оказалось, что фанцузы привыкли покупать сыр очень маленькими порциями – в 50–100 граммов.

В очередной уикенд, когда мама и папа девочек приехали к нам на дачу навестить Галю, кто-то из нас упомянул о пребывании Лили вместе с отцом в Париже и о случае в магазине. Мама и папа сестер переглянулись, а Георгий Сергеевич изменился в лице, побледнел и начал быстро и не очень разборчиво объяснять, что в командировке он был один и что Лиля передала нам один из его рассказов. Лилина мама добавила: «Она у нас выдумщица, любит придумывать, не нужно верить ее фантазиям». Мы с Верусей были как громом поражены – значит, все неправда? Значит, это обман? Фантазии? Но рассказано было так правдиво, что мы в душевной простоте всему поверили, ни на минуту не усомнившись, что все рассказанное происходило на самом деле.

Так разбиваются иллюзии...

Еще одну нашу знакомую звали Милена, была она итальянкой и училась вместе с Наташей в Анконском университете на медицинском факультете. Скажу, что в 1992 году мы всей семьей поехали в Италию, в город Анкона, в университете которого Саша начал работать по гранту.

Впервые увидев Милену, я удивилась дисгармоничности ее черт. Общее впечатление было: очень некрасивая девица. В Италии, стране красоты, увидеть некрасивую девушку было мне странно. Некрасивость черт скрашивалась тем, что была Милена приветлива и открыта для общения. Она училась на первом курсе университета, но ученье тяжело ей давалось, было похоже, что она не удержится на медицинском факультете. Так и получилось. Промучившись год и не сумев сдать экзамены (в Италии в то время они были устные и длились часами), Милена ушла на акушерские курсы, стала сестрой-акушеркой и впоследствии нашла себе приличную работу в Милане и там же – к нашему удивлению – вышла замуж. Мы застали ее в Анконе в тяжелый для нее, даже кризисный момент. Тяжесть учебы на медицинском факультете усугублялась одиночеством. В Анконе у Милены никого не было, ее престарелые родители жили примерно в ста километрах, в Асколи Печено. Так получалось, что каждая моя встреча с этой девочкой выливалась в ее жалобы на жизнь и заканчивалась слезами. Она не могла их сдерживать, видимо, нервы были на пределе, да и я, скорей всего, была тем человеком, перед которым она могла не таиться. Я не знала, как и чем ей помочь. Мы сами в это время вчетвером жили на скудный университетский грант, рассчитанный на одного человека, жили в церкви, в пустующей квартире привратника. Дон Паоло, замечательный католический священник, объявил нас своими «гостями» и даже слушать не хотел о «квартплате». На следующий год грант увеличился, хотя и ненамного, но мы, не желая пользоваться добротой хозяина, преодолевая его сопротивление, стали регулярно вносить плату за наше жилье.

Через несколько лет, когда университетский грант закончился, Саша начал работать в компании и получать совсем другие деньги. Но при этом нам пришлось разлучиться: муж уехал в Модену, а я с детьми осталась в Анконе. Приезжал Саша только на уикенд. И вот в этот второй – достаточно сложный и горький для нас период – мы вспомнили про Милену, с ее одиночеством и слезами, и поняли, что должны ей помочь.

Мы стали звать ее в гости по воскресеньям. В этот день за обедом мы сидели всей семьей, во главе с долгожданным Сашей. А рядом с Наташей за нашим длинным мраморным столом занимала свое теперь уже привычное место приодетая радостная Милена, повеселевшая, забывшая в этот день про все свои горести. В воскресенье на десерт я ставила на середину стола торт из йогурта с вишнями, он был необыкновенно вкусным – его пекли в пекарне горного селенья Поджо, славящейся на всю округу первоклассным хлебом и изысканной выпечкой... Покупала я его на анконском базаре в специальном месте и в специальный час. Помню, что Милена за нашим праздничным столом совсем не казалась мне некрасивой, она сияла, и это сияние делало ее лицо прекрасным...

А закончу я свой не слишком связный рассказ (который можно было бы длить до бесконечности) еще одной необычной историей, на этот раз о красавице, вернее, даже о двух красавицах.

С одной мы познакомились удивительным образом. В Солт-Лейк-Сити, первой нашей остановке в Америке, мы сдружились с семьей Нины и Михаила Богуславских, чей необычный домик-теремок все полтора года нашего пребывания в столице мормонов был для меня, мужа и подростка-сына (дочь Наташа заканчивала учебу в университете в Италии) прибежищем, полным веселья и музыки.

Михаил Яковлевич был альтистом, когда-то организовывал в России вместе с Баршаем Московский камерный оркестр, а, очутившись в Америке, первое время играл в филармонии, а затем преподавал свою музыкальную специальность в здешнем университете. Он был буквально поглощен музыкой – целые дни проводил в комнате с особой акустикой, слушая записи музыкантов с помощью новейшей звуковоспроизводящей техники. Ниночка же, его вторая жена, была приветливой и умелой хозяйкой, на чьем попечении были муж, большая глупая собака Бим и многочисленные гости, привлеченные гостеприимством и хлебосольством хозяев.

Перед нашим отъездом из Юты в Бостон, где Саша получил работу, Ниночка вручила мне небольшую шкатулку – для передачи некоей Мэри, своей задушевной подруге, не столь давно переехавшей в Массачусетс с семьей внучки. Нина говорила о Мэри восторженно – врач, участница войны, бывшая москвичка и, наконец, до сих пор, в своем далеко не молодом возрасте, удивительная красавица.

Приехав в Бостон в обозначенную Ниной дату, как раз в Мэрикин день рождения, мы отправились к ней, чтобы передать подарок. К удивлению, у этой почти девяностолетней женщины было много друзей, естественно, все из России, все немолодые, но все любящие Мэри и знающие ей цену. Она по-королевски сидела в центре гостиной, кресло не скрадывало ее высокого роста и прямоты осанки. У нее были красиво уложенные седые волосы, прекрасный, совсем девичий овал, замечательно свежий цвет лица и необыкновенной синевы глаза, что подчеркивалось и усиливалось платьем в синих тонах. Действительно красавица.

Гости довольно быстро разошлись. И мне с Мэричкой удалось поговорить. Впоследствии я даже сделала с ней интервью, поскольку она прожила долгую интересную жизнь и ей было что рассказать. На присланных мне Мэричкой фотографиях была она в разные периоды жизни, но всегда с горделивой осанкой, светловолосая, с небесной синевы глазами, что не очень обычно для еврейки...

Ночью, перебирая в памяти все, что рассказала о себе Мэри (она специально пояснила, что это имя записано у нее в русском паспорте), я подумала, что знаю еще одного человека, женщину, чья судьба очень напоминает Мэричкину. Этой женщиной была Лариса Лазаревна, мама мужа моей сестры Веры. Когда я ее узнала, ей было не меньше пятидесяти, – необыкновенная красавица, брюнетка, с проникающим в душу взглядом темных глаз. Мы знали, что прошла она через

войну – работала в военном госпитале, получала награды, а Вера, после смерти свекрови, обнаружила в потаенном ящике перевязанные ленточкой письма влюбленного в нее человека, много старше, в высокоом военном чине. Нашла Вера и письма этого человека к маме Ларисы, он писал о своем чувстве к ее дочери, говорил, что все сделает для ее счастья, просил «родительского благословения» на брак. Самый последний листок был одинарный, на нем рукой Ларисы Лазаревны было написано всего два слова: Павел погиб. Мы знали, что за Сашиного папу, тоже встреченного на войне, вышла она без особой любви и не был этот брак особенно счастливым, по-видимому та, прошлая любовь, была для нее главной и единственной...

Когда через несколько дней мы снова пришли к Мэри, первым делом я спросила ее, не встречалась ли ей на дорогах войны девушка по имени Лариса, тоже москвичка. Мэри оживилась: – Лариса Гутман – моя ближайшая подруга. Мы работали с ней вместе в госпитале и были неразлучны.

Фамилия Гутман была мне незнакома, но оказалось, что это девичья фамилия мамы Саши Р., Веринной свекрови. Мэрочка прекрасно знала всю романтическую и одновременно трагическую историю любви своей подруги, знала она и мужа Ларисы Лазаревны, о котором высказалась не слишком дружелюбно. К этому времени Ларисы Лазаревны уже давно не было в живых, она погибла от скоротечного рака. До своего ухода она успела меня благословить на союз с будущим мужем – не видя его, она знала о нем с моих слов и была уверена, что это именно «то». Удивительно, но тепло, шедшее от этой женщины, ощущала не только Вера, которую она любила, казалось, больше, чем своего сына, но и я. Перед смертью страшная болезнь исказила черты Ларисы Лазаревны. Но в моей памяти она осталась такой, как на портрете своей молодости, – с отливающими синевой черными волосами, удивительным взглядом темных глаз, такой, наверное, могли быть праматерь Сарра... или Рахиль... Легко можно представить, какое впечатление эти две подруги, два военврача, две красавицы, производили на мужчин-военных. Одна – синеглазая блондинка, с копной русых волос, другая – черноволосая, темноглазая, наделенная библейской красотой. Эдакий праздник красоты среди ужасов и безобразия войны! Среди ужасов и безобразия войны...